

УДК 236

DOI: 10.34670/AR.2020.51.12.001

Семиотическая специфика «новой эсхатологии» и техногенный эсхатологизм

Прилуцкий Александр Михайлович

Доктор философских наук,
завкафедрой истории религий и теологии,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: alpril@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу специфики современной народной православной эсхатологии, являющейся реакцией архаичного мировоззрения на вызовы постиндустриального мира. Исследование проводилось в рамках семиотического и герменевтического подхода к анализу современной религиозности. В качестве источников исследования использовались оригинальные религиозные тексты различных жанров и стилей. Анализируются богословские и мифологические корни современных эсхатологических концепций и особенности их дискурсивного изложения. Особое внимание уделено анализу явлений интердискурсивности и иллокутивных актов. В статье содержатся результаты анализа структуры современного эсхатологического дискурса. В качестве его структурных компонентов выделяются: традиционный эсхатологизм, ориентированный на новозаветную и патристическую традицию; социальный эсхатологизм, демонизирующий современные общественные институты и органы власти; техногенный эсхатологизм, видящий знамения пришествия антихриста в современных технологиях, преимущественно информационных и медицинских; конспирологический эсхатологизм, развивающий мифологемы всемирного заговора антихристианских сил; мистико-мифологический эсхатологизм, оперирующий различными пророчествами. Показывается, что «новая эсхатология» является источником алармистских настроений и в условиях социальной нестабильности способна канализировать массовые эсхатологические истерики в религиозных субкультурах. Делается вывод о том, что в рамках новой эсхатологии типичное для архаического мировосприятия недоверие к техническому прогрессу получает символическую интерпретацию и благодаря этому включается в эсхатологический и апокалиптический контекст.

Для цитирования в научных исследованиях

Прилуцкий А.М. Семиотическая специфика «новой эсхатологии» и техногенный эсхатологизм // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 2А. С. 5-13. DOI: 10.34670/AR.2020.51.12.001

Ключевые слова

Эсхатология, апокалиптика, эсхатологический дискурс, народная религия, семиотика религии.

Введение

Эсхатологизм является неотъемлемой частью христианского мировосприятия, согласно которому мир (Вселенная), сотворенный Богом в начале времени, не вечен, в результате эсхатологических событий он перейдет на качественно иной уровень своего существования, что в просторечии часто определяется как «конец света» или «светопреставление». Интерес к эсхатологии всегда сопровождал развитие христианской культуры и цивилизации: в разные периоды истории, преимущественно во время серьезных социальных потрясений и под их влиянием, наблюдалось усиление в обществе эсхатологического напряжения, тогда эсхатологические теологемы из догматических абстракций трансформировались в предмет непосредственного ожидания, актуализировались в общественном сознании как то, чему предстоит вскоре произойти. Одновременно с теологической эсхатологией формировался эсхатологический миф, в формате которого исторические события обретали значение эсхатологических символов приближения апокалипсических катастроф, а различные онимы, преимущественно имена политических и религиозных деятелей, географические названия, интерпретировались как конспирологическая запись апокалипсического «числа зверя», прочитывать которую могут посвященные в тайны будущего.

Специфика эсхатологического мифа

Спецификой эсхатологического мифа является то, что его мифологемы зачастую могут существовать в семиотическом пространстве, образуемом теологией, благодаря чему формируются синтетические дискурсы, в рамках которых затруднительно разграничивать элементы, обладающие преимущественно мифологической или теологической семантикой. Общая теория семиотического дрейфа в пространстве религиозного семиозиса позволяет объяснить эту дискурсную специфику: дрейфуя от полюса «символ» к полюсу «метафора», т. е. динамически трансформируя семиотические характеристики, один и тот же элемент семиозиса оказывается способным транслировать как мифологические, так и теологические представления. Очевидно, что с семиотической точки зрения в дискурсе невозможно разграничивать не только «чистые символы» и «чистые метафоры», но и «чистые теологемы» и «чистые мифологемы». В силу интердискурсивности и отмеченной особенности религиозного дискурса, в каждом теологическом тексте присутствует мифологический реликт, равно как в каждом мифологическом тексте, соотносящимся с теологической традицией (народная интерпретация теологических религий), всегда присутствуют теологические понятия и термины. Как показывают современные исследования, в наиболее выраженной форме интердискурсивность проявляется в псевдофундаменталистских текстах [Головушкин, 2018].

В этом отношении дискурсы современной народной эсхатологии, сформировавшиеся в рамках христианской культуры повседневности, представляют особый интерес для исследований, поскольку в них контаминация теологического и мифологического представлена в наиболее выраженном виде. При этом современные эсхатологические дискурсы народной религиозности, особенно их профетические жанры, остаются неописанными и неизученными с семиотической точки зрения.

Спецификой христианской эсхатологии является ее ориентированность на профетические тексты. За исключением сравнительно немногочисленных периодов усиления эсхатологических настроений в обществе, в рамках христианской парадигмы истории *настоящее* в меньшей степени соотносится с эсхатологической проблематикой, чем *будущее*. Соотнесение

эсхатологических событий с прошедшим временем всегда оказывается затруднительным, поскольку в христианской апокалиптике существует достаточно строгая последовательность эсхатологических событий: «ненаступивший апокалипсис» требует или признания собственной ошибки, или сложных герменевтических маневров, без которых оказывается невозможным поддерживать веру в авторитет соответствующих лидеров (именно такова природа знаменитого «великого разочарования», вызванного неисполнением эсхатологических ожиданий среди адвентистов в 1914 г.).

Любопытной попыткой согласования традиционной эсхатологии и современного техногенного эсхатологического мифа является известная мифологема об антихристовом компьютере «Зверь», расцвет популярности которой приходится на 1980-е гг.¹ Само название этого мифического компьютера преследует очевидную цель включения современного техногенного мифа в квазиновозаветный дискурс (см. Откр. 13). Несмотря на то, что данная мифологема заимствована из протестантского дискурса, в настоящее время она воспринимается православными адептами новой эсхатологии, которым в принципе свойственен антиэкуменизм как органичная часть православной эсхатологической традиции, поскольку о ее иноконфессиональном генезисе, как правило, не упоминается.

Представления о том, что мы являемся очевидцами исполнения эсхатологических пророчеств, свойственные некоторым радикальным направлениям сектантства, в целом для христианского мировосприятия не свойственны. Во время социальных потрясений (революций, войн, эпидемий) наблюдается рост эсхатологических настроений, который всегда прекращается по мере нормализации социальной обстановки. Религиозная культура, отличающаяся консерватизмом, в целом весьма осторожно оценивает события настоящего с точки зрения их эсхатологического значения, ограничиваясь рассмотрением наиболее знаковых из них (например, чернобыльская авария) в качестве символов того, чему надлежит случиться в будущем. Поэтому христианская эсхатология в значительной степени ориентирована на профетическую традицию; базовые тексты, раскрывающие специфику христианской эсхатологии, относятся к профетическому жанру. Сразу следует отметить, что «чистая» библейская эсхатология, концептуально ограниченная ветхозаветной и новозаветной апокалиптикой, сегодня принципиально невозможна, вопреки заявлениям некоторых протестантских авторов.

Структура современного эсхатологического дискурса

Анализ структуры современного религиозного эсхатологического дискурса позволяет выделить в нем несколько компонентов, в соответствии с которыми можно говорить о различных тенденциях, свойственных современному эсхатологическому мировосприятию²:

¹ В настоящее время, в связи с развитием новых технологий, мифологема о компьютере «Зверь» выглядит некоторой архаикой, но ее дискурсивный потенциал далеко не исчерпан, хотя растет и критическое отношение к ней. Автору недавно довелось слышать, как относительно нестарый сторонник одного из священников из числа «непоминающих» иронично ответил пожилой женщине, утверждавшей, что в 1980-х гг. в Женеве собран и с тех пор работает компьютер «Зверь»: «Да уж 30 с лишним лет прошло, он что, на перфокартах работает? Списали его давно и выкинули, компьютеры каждые пять лет сейчас меняют, мать».

² Поскольку предметом анализа являются эсхатология православных субкультур, нами не рассматриваются нью-эйджевские эсхатологические концепты и близкие им «фантастические» версии апокалипсиса в духе «голливудской герменевтики» древних эсхатологических символов.

- традиционный эсхатологизм, ориентированный на новозаветную и патристическую традицию;
- социальный эсхатологизм, демонизирующий современные общественные институты и органы власти, близкий к эсхатологическим моделям радикальных старообрядцев-беспоповцев (теологема о духовном антихристе) и в какой-то степени проявившийся уже в радикальных течениях раннего христианства;
- техногенный эсхатологизм, видящий знамения пришествия антихриста в современных технологиях, преимущественно информационных и медицинских;
- конспирологический эсхатологизм, развивающий мифологемы всемирного заговора антихристианских сил;
- мистико-мифологический эсхатологизм, оперирующий современными профетическими и квазипрофетическими текстами, «видениями» прозорливых старцев.

Перечисленные тенденции часто сосуществуют в рамках единого дискурсного пространства, порождая различные типы синкретизма и ламинарности, в которых традиционные теологемы взаимодействуют с мифологемами и оккультными концептами New Age. Можно привести следующие примеры: «Паисий Афонский, великий афонский старец, обличил ИНН и прочие электронные документы, сказав, что взявшие их, потеряют благодать Духа Святого. Энергия бесовская садится на них. Вот почему их нельзя брать – это уже печать антихриста. Пока еще на бумаге, но не лбу и на руке» [Ступеньки..., [www](#)]; «Батюшка, у меня такая страшная мысль возникла по поводу фотографии, что там [в антихристовых компьютерах] может происходить колдовское воздействие путем наложения фотографии антихриста на фотографию человека. И это – все. В компьютере это возможно сделать. – Уже робот будет. – И можно об этом людям сказать? О том, что будет идти наложение фотографии антихриста? – Можно, можно, да. – И отпечатков пальцев антихриста [на отпечатки пальцев человека]? – Да, то же самое» [«Уникальный номер..., [www](#)].

Если традиционный эсхатологизм в меньшей степени актуализирует содержание эсхатологических категорий в концептах повседневности, то другие перечисленные формы эсхатологизма (их можно условно определить как «новый эсхатологизм») формируют пространство актуальной мифологизированной эсхатологии, в котором различные социокультурные процессы и события интерпретируются как эсхатологически значимые.

В рамках традиционного подхода эсхатологические категории интерпретируются как своего рода теологические абстракции, которые анализируются профессиональными теологами преимущественно в рамках экзегетического подхода и герменевтической традиции патристического комментирования ветхозаветной и новозаветной апокалиптики. Разумеется, и традиционная эсхатология оказывается способной формировать различные дискурсы народной эсхатологии – в большей степени мифологические, нежели теологические (например, старообрядческая народная эсхатология XVII в. начиналась как вполне традиционная и традиционалистская). Однако они обязательно сохраняют базовые концепты новозаветной апокалиптики и по своей сути являются попытками их актуализации применительно к условиям социальной и политической конъюнктуры, именно актуализации, но не трансформации. Поэтому даже такие теологемы старообрядческой эсхатологии, как «царь-антихрист» и «невещественный антихрист», в целом сохраняют концептуальную преемственность с традициями святоотеческой эсхатологии и с некоторой натяжкой могут быть признаны соответствующими патристической герменевтике. В этом их принципиальное отличие от «новой эсхатологии», синкретической, мифологической и модернистской, которая представляет

собой неструктурированную совокупность текстов, смешивающих различные «эсхатологические сценарии» и благодаря этому обладающих мощным потенциалом иллюкативного воздействия. Поэтому для «новой эсхатологии» характерна известная ламинарность: паттерны техногенного и конспирологического эсхатологизма могут совмещаться с различными апокрифическими пророчествами, а иногда и откровенно нью-эйджевскими конструктами, подпитывая существующие в религиозных субкультурах алармистские настроения.

Именно примером такой ламинарности являются попытки совмещения веры в пророчества «старцев» с различной эзотерикой в стиле New Age: «Данные пророчества³ ни в чем не противоречат пророчествам православных Старцев России. Если Белого Брата рассмотреть как грядущего Православного Царя, а грядущего в ближайшее время антихриста – как бога “Лжеца” из пророчеств майя – мы получаем единый для всех народов и континентов образ будущего разделения человечества по двум воинствам – воинству Света и воинству тьмы. Исход битвы предсказан – Победа православных христиан из всех народов и языков с Силами Света над империей Золотого Тельца или Мамоны! Но судьба каждого – в его “руках и ногах”» [Православный взгляд..., www].

Герменевтическая специфика «новой эсхатологии»

Не составляет тайны, что одной из задач традиционной эсхатологии (и этим она отличается от архаической) является снижение эсхатологического напряжения в обществе, поскольку последнее может провоцировать асоциальное поведение, как это было, например, в деле «пензенских затворников». «Новая эсхатология» подобной задачи перед собой не ставит; наоборот, она является источником алармистских настроений и в условиях социальной нестабильности оказывается способной канализировать массовые эсхатологические истерики в религиозных субкультурах. Американский философ Э. Дэвис справедливо отметил: «Неожиданно оказывается, что вся социальная и символическая арена социальной реальности приобретает вид грандиозного и совершенно неосознаваемого заговора, хотя на первый взгляд она вроде бы является всего лишь беспорядочным карнавалом демагогов, мошенников и вполне умопостигаемого дискурса. Призрак паранойи часто преследует субкультуры, которые сознательно выпадают из мейнстрима» [Дэвис, 2007, 196]. Полагаем, что «новая эсхатология» в этом отношении является архаической реакцией на вызовы постиндустриального мира.

Три вышеозначенные тенденции нового эсхатологизма, а именно – техногенная, конспирологическая и мистико-мифологическая, строго говоря, еще не сложились в самостоятельные паттерны эсхатологической интерпретации социальной реальности, поэтому в настоящее время еще преждевременно рассматривать их в качестве отдельных типов эсхатологического мировосприятия, они часто могут сосуществовать в рамках единого дискурсного пространства, порождая феномены синкретизма и ламинарности, при том что мифологемы и мифотеологемы именно техногенного эсхатологизма оказываются наиболее частотными, а его дискурсивная среда наиболее развита.

Сравнивая современные профетические тексты эсхатологического содержания, мы видим, что их конспирологический дискурс относительно не разработан: о различных заговорах

³ Речь идет об оккультных интерпретациях эсхатологии доколумбовых цивилизаций Америки.

говорится много, но никаких подробностей и деталей не сообщается, в «лучшем» случае рассматривается вопрос о принадлежности конкретного политика или иерарха к числу заговорщиков: «Посланник от кандидата на пост губернатора просил о. Антония молиться за победу этого кандидата. О. Антоний ему ответил: “Он масон, могу только о вразумлении молиться”. Посланец, смутясь, и говорит о. Антонию: “А вы видели губернатора не масона?!”» [О спасении, www].

Техногенный же дискурс современной профетики отличается от конспирологического значительной проработанностью. Это понятно: и масоны, и губернаторы где-то «далеко», а компьютеры и телефоны непосредственно входят в нашу повседневность, к ним проще прилагать различные герменевтические инструменты: «Когда в монастыре поставили телевизор, о. Гурий сказал, что благодать там уменьшилась на тридцать процентов» [Промысел..., www]; «Самое страшное и самое пагубное для души – это быть зачисленным во всемирный компьютер – исчадие антихриста. Такую душу дьявол записывает в свою Книгу смерти. Православные, попавшие в компьютер, по смерти не допускаются даже на мытарства, ибо они без имени, без того самого главного, что делает нас Богоподобной личностью. И будут содержаться в адских муках до Страшного Суда как отрекшиеся от Христа и обетов крещения. И только при Втором пришествии Спасителя уничтожится компьютер и личные номера. И тогда души из адского плена вновь предстанут на Страшный Суд под своими именами. Но каков тогда будет для них Суд? Господи, помилуй!» [Мировые пророчества..., www].

Техногенный эсхатологизм представляет собой сложный социокультурный феномен, в основе которого лежит реакция консервативного сознания на динамику изменений социосферы. Если предпосылки техногенного эсхатологизма можно видеть уже в радикальном неприятии петровских преобразований частью тогдашнего российского общества, сформировавшего мифологию «царя-антихриста» и «проклятого города», то оформленной тенденцией эсхатологической интерпретации социальной реальности техногенный эсхатологизм становится в эпоху техногенной цивилизации. Недоверие к новым технологиям, меняющемуся жизненному укладу находит проявление в герменевтике: в рамках новой эсхатологии развивается особая эсхатологическая герменевтика, включающая как сами технологии, так и их создателей и пользователей в мрачный эсхатологический контекст. Недоверие к динамическим процессам техносферы и раньше порождало отрицательную реакцию со стороны носителей традиционного религиозного мировосприятия. Так, известны многочисленные случаи негативного восприятия крестьянским традиционализмом железнодорожного строительства или запрет слушать радио и использовать в быту электрочайники у старообрядцев часовенного согласия. Однако для приведенных примеров отвержение технологических новинок мотивировалось не эсхатологическими аргументами, но страхом перед нечистотой, скверной, которую они, вероятно, содержат. Для нового эсхатологизма, напротив, на первый план выходит именно их эсхатологическая интерпретация.

В рамках техногенного эсхатологизма предметом эсхатологического переосмысления становятся:

- 1) новые технологии кодирования информации, прежде всех использующие штриховой код: «штрих-код на товарах – это и есть начертание (печать) антихриста, он несет на себе сатанинскую энергию и этой сатанинской энергией мы в течение многих лет через продукты питания отравляем себя ежедневно» [Православные старцы о штрих-кодах..., www];
- 2) электронные документы: «с принятием каждого электронного документа у человека

отнимается благодать Духа Святого и помрачается ум. Ангел-хранитель отходит от него. Это как ступени в ад к антихристу, и на определенной ступени ум настолько помрачится, что человек “просто невольно спокойно” подставит свое чело и свою руку и ему поставят чип» [Ступеньки..., www];

- 3) бытовая и офисная техника⁴: «батюшка предупреждал, чтобы не имели телевизоров и радио, говорил, что холодильники, газ, электричество могут быть пагубны для души. О компьютерах прямо говорил, что это сатанинская машина, что через нее все будет осуществляться» [Блаженный Сисой..., www];
- 4) технические и платежные средства, использующие микросхемы (чипы): «никаких банковских карт, кредитных и чековых книжек. Если вы ЧИП оденете, то вы уже не Божии люди» [Православные старцы о печати антихриста..., www];
- 5) современные медицинские и биотехнологии, вакцинация: «бесы, говорил батюшка, все будут не в аду, а наверху, а сам ад уже стал полный людьми. Предупреждал, чтобы никаких прививок не делали. В последнее время никаким врачам нельзя доверять» [Не будь..., www].

Заключение

В рамках техногенного эсхатологизма формируются конспирологические мифологемы о том, что активное развитие технологий на самом деле преследует скрытые цели – выработку зависимости человека от технических средств и использование этой зависимости для тотального контроля над личностью, необходимого для обеспечения власти антихриста. Поэтому развитие технологий одновременно рассматривается и как символическое указание на приближение царства антихриста, и как инструмент, долженствующий обеспечить его воцарение. Таким образом, в рамках новой эсхатологии типичное для архаического мировосприятия недоверие к техническому прогрессу получает символическую интерпретацию и благодаря ей включается в эсхатологический и апокалиптический контекст.

Библиография

1. «Уникальный номер записи в Реестре» – это и есть печать антихриста. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all_1/user_1467_3/topic_8562/
2. Блаженный Сисой: «Последний патриарх не спасется». URL: <https://lektsii.org/16-55107.html>
3. Головушкин Д.А. Современный православный фундаментализм: о псевдофундаментализме? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 25. С. 92-102.
4. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2007. 478 с.
5. Мировые пророчества об Антихристе («руками и ногами человеческими» приведенного на царство). URL: https://veroyu.myl.ru/news/mirovye_prorochestva_ob_antikhriste_rukami_i_nogami_chelovecheskimi_privedennogo_na_carstvo_sbornik/2015-12-13-8661
6. Не будь соглашателем с нечестием. Трусливые Царствия Божия не наследуют. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_13137/
7. О спасении. URL: <http://mir.482ua.com/index.php/pr/pp/131-gosudarstvo-rossiya-praviteli-rossii>
8. Православные старцы о печати антихриста и ее предтечах. URL: <http://3rm.info/publications/62010-pravoslavnye-starcy-o-pechati-antihrista-i-ee-predtechah.html>

⁴ Особым образом выделяется мифический антихристов компьютер «Зверь», о котором говорилось выше, прочие компьютеры интерпретируются как его «образы». Можно предполагать, что на следующем этапе мифотворчества произойдет демонизация современных суперкомпьютеров.

9. Православные старцы о штрих-кодах и электронных документах. URL: <https://3rm.info/publications/19373-shtrix-kod-yeto-ta-samaya-pechat-kotoruyu-budut.html>
10. Православный взгляд на индейские пророчества. http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_6131/
11. Промысел в православных пророчествах. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_6152
12. Ступеньки к антихристу. URL: <http://monomah.org/archives/16395>

The semiotic specificity of “new eschatology” and technogenic eschatologism

Aleksandr M. Prilutskii

Doctor of Philosophy,
Head of the Department of the history of religions and theology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48 reki Moiki emb., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alpril@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the specifics of the modern folk Orthodox eschatology, which is the reaction of the archaic worldview to the challenges of the post-industrial world. It deals with the theological and mythological roots of modern eschatological concepts and the specifics of their discourse presentation. Particular attention is paid to the analysis of the phenomena of interdiscursivity and illocutionary acts. The article also presents the results of the analysis of the structure of modern eschatological discourse. Its structural components include the following: traditional eschatologism focused on the New Testament and the patristic tradition; social eschatologism demonising modern public institutions and authorities; technogenic eschatologism seeing signs of the coming of the Antichrist in modern technologies, mainly information and medical ones; conspirological eschatologism developing the mythologemes of the worldwide conspiracy of anti-Christian forces; mystical and mythological eschatologism operating with various prophecies. The author shows that the new eschatology is a source of alarmist sentiments and it is able to channel mass eschatological tantrums in religious subcultures in the conditions of social instability. Original religious texts of various genres and styles are used as research sources. The author concludes that, within the framework of the new eschatology, the distrust in technical progress typical of an archaic worldview receives symbolic interpretations and is therefore included in the eschatological and apocalyptic context.

For citation

Prilutskii A.M. (2020) Semioticheskaya spetsifika «novoï eskhatologii» i tekhnogennyi eskhatologizm [The semiotic specificity of “new eschatology” and technogenic eschatologism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (2A), pp. 5-13. DOI: 10.34670/AR.2020.51.12.001

Keywords

Eschatology, apocalypics, eschatological discourse, folk religion, semiotics of religion.

References

1. "Unikal'nyi nomer zapisi v Reestre" – eto i est' pechat' antikhrista ["A unique number in the Register" is the seal of the Antichrist]. Available at: http://www.logoslovo.ru/forum/all_1/user_1467_3/topic_8562/ [Accessed 19/04/20].
2. Blazhennyi Sisoï: "Poslednii patriarkh ne spasetsya" [Saint Sisoës the Great: "The last patriarch will not be saved"]. Available at: <https://leksii.org/16-55107.html> [Accessed 19/04/20].
3. Davis E. (1998) *Techgnosis: myth, magic, and mysticism in the age of information*. Harmony. (Russ. ed.: Davis E. (2007) *Tekhnognosis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu*. Ekaterinburg: Ul'tra.Kul'tura Publ.)
4. Golovushkin D.A. (2018) Sovremenniy pravoslavnyi fundamentalizm or psevdofundamentalizm? [Modern Orthodox fundamentalism or pseudo-fundamentalism?] *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Proceedings of Irkutsk State University. Series: Political science. Religious studies], 25, pp. 92-102.
5. Mirovye prorochestva ob Antikhriste ("rukami i nogami chelovecheskimi" privedennogo na tsarstvo) [World prophecies about the Antichrist (with "hands and feet of man" brought to the kingdom)]. Available at: https://veroyu.myl.ru/news/mirovye_prorochestva_ob_antikhriste_rukami_i_nogami_chelovecheskimi_privedennogo_na_carstvo_sbornik/2015-12-13-8661 [Accessed 19/04/20].
6. Ne bud' soglashatelem s nechestiem. Truslivye Tsarstviya Bozhiya ne nasleduyut [Do not be a compromiser with wickedness. Cowards do not inherit the Kingdom of God]. Available at: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_13137/ [Accessed 19/04/20].
7. O spasenii [On salvation]. Available at: <http://mir.482ua.com/index.php/pr/pp/131-gosudarstvo-rossiya-praviteli-rossii> [Accessed 19/04/20].
8. Pravoslavnye startsy o pechaty antikhrista i ee predtechakh [Orthodox elders about the seal of the Antichrist and its forerunners]. Available at: <http://3rm.info/publications/62010-pravoslavnye-startsy-o-pechaty-antihrista-i-ee-predtechah.html> [Accessed 19/04/20].
9. Pravoslavnye startsy o shtrikh-kodakh i elektronnykh dokumentakh [Orthodox elders about barcodes and electronic documents]. Available at: <https://3rm.info/publications/19373-shtrix-kod-yeto-ta-samaya-pechat-kotoruyu-budut.html> [Accessed 19/04/20].
10. Pravoslavnyi vzglyad na indeiskie prorochestva [The Orthodox view on Native American prophecies]. http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_6131/ [Accessed 19/04/20].
11. Promysel v pravoslavnykh prorochestvakh [Providence in Orthodox prophecies]. Available at: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_6152 [Accessed 19/04/20].
12. Stupen'ki k antikhristu [Steps to the Antichrist]. Available at: <http://monomah.org/archives/16395> [Accessed 19/04/20].